

Бисер Киров

Наше наследие

ИОСИФ КОБЗОН пригласил меня в Москву в 1994 году. Я уже пять лет к тому времени не был в России. Мне не хотелось приезжать, и абсолютно, как оказалось, зря. У нас в Болгарии в то время были проблемы, и мне не хотелось разочароваться в Москве, которую я очень люблю. А мне рассказывали, что на улице Горького сплошная толкучка, она замусорена, везде грязь, и все отвратительно. Не хотелось этого видеть. Я здесь учился в ГИТИСе, это город моей молодости, это мой самый любимый город, могу абсолютно искренне заявить. Ведь где я только не жил... И в Берлине, и в Гаване, и в Париже, и в Нью-Йорке, а люблю Москву.

Я познакомился с Бисером Кировым при нескольких необычных обстоятельствах. Было это в семидесят седьмом в ГДР. По заведенной традиции каждое лето окружкомы СЕПГ проводили прессефесты — праздники своих печатных органов. По долгу службы мне приходилось в них участвовать. Причем это не было, надо сказать, тяжелой обязанностью. Средств на праздники не жалели, угощение выставляли превосходное, мероприятия проходили неформально, программы концертов составлялись тщательно. К участию в них непременно приглашались звезды эстрады братских социалистических стран. Приехав под вечер на один из таких прессефестов не то в Эрфурт, не то в Галле, расположившись в прекрасном гостиничном номере и уже готовясь отойти ко сну, я услышал из холла характерные гитарные аккорды и показавшийся знакомым голос. Пошел взглянуть и увидел в окружении пяти-шести немецких юношей и девушек Бисера Кирова. Популяр он тогда был не только в СССР и Болгарии, и не только в других социалистических странах. Компания распевала рок-н-роллы. Преимущественно из репертуара Элвиса Пресли. Зная, как у меня дело

обстоит со слухом, подпевать не решился, но в беседе в перерывах между песнями поучаствовал. А говорили обо всем, о чем могут говорить молодые в общем-то люди в приятной компании за пивом и шампанским. Немцы открыто завидовали нашей советской перестройке, Бисер рассказывал, что у них в Болгарии думают о ней, а мне приходилось отвечать на массу вопросов, что делать, не скрою, было очень приятно. Ночь пролетела незаметно.

Наутро был концерт, на котором Бисер, кроме своего традиционного репертуара, показал то, чему научился в Лас-Вегасе, с гастролем в котором он незадолго до этого вернулся. В общем, все было мило и приятно.

Прошло почти десять лет, и недавно я столкнулся с ним на приеме в Болгарском посольстве в Москве по случаю Дней славянской письменности и культуры. Поговорить толком там не удалось и мы решили встретиться еще раз в более располагающей к беседе обстановке. Тогда Бисер Киров и произнес монолог, фрагменты из которого предлагаю вниманию читателей «НГ».

Михаил КАРПОВ

«У НАС МАЛЕНЬКАЯ СТРАНА И БАЛАГАН МАЛЕНЬКИЙ»

Выбранные места из монолога друга

Независимая газ. — 1996 — 20 июня — с. 8

Мне незачем кривить душой, Москва на самом деле мой самый любимый город.

Приехал сюда, и на концерте Иосифа глядел на людей. Это же все мои знакомые! Те самые, кого я за пять лет до этого встречал на своих последних гастрольях в 1989 году. То же самое было и на коктейле после концерта: кругом люди из моей молодости, с которыми я начинал в 1967 году. Они, слава Богу, живы! И действуют.

Это был контраст по сравнению с Болгарией. У нас после 1991 года вся элита нашей культуры, которой в течение сорока лет удалось сделать свои имена известными в мире, исчезла. Ее просто стерли из людской памяти. Их не было слышно ни на радио, ни на телевидении. Введено было полное табу на имена, которые как-то были связаны с прошлым режимом.

А здесь я понял, что моя Москва осталась моей. Сказал себе: какой же ты дурак, что сидишь в этом Берлине, оставив всех своих друзей здесь.

На коктейле была и масса других людей. К примеру, Руцкой. Его имя тогда не сходило с уст, и я попросил Брунова, с которым был тогда: «Боря, познакомь меня!» Мне было интересно услышать о путче, а Руцкой начал говорить, что знает меня и помнит.

А потом Лещенко и Винокур пригласили меня на старый Новый год выступить 13 января в их концерте для ЛУКОЙЛа. Я приехал сюда, остался до 27-го, а потом Володя говорит: «Чего ты поедешь в этот свой Берлин?». Он, кстати, в свое время после автокатастрофы лежал в вашем армейском госпитале в Белице и я его навещал по три-четыре раза в неделю. Тяжелая была авария. Конечно, в такой ситуации человек впадает в депрессию, когда рядом нет коллеги по цеху, чтобы тебя как-то поддержать. Заставить поверить, что на тебя возложена миссия, и ты должен, перешагнув через все, продолжать выполнять ее. Отрыв лишь временен.

Мне кажется, нам вместе это удалось, и мы потом давали концерты вашим солдатам. Вместе с Левой и Иосифом.

Зачем я это рассказываю? Чтобы было понятно, почему я здесь остался. У прежнего директора болгарского культурного центра не шла работа. Никто не приходил, все было запущено. А я, видно, так и остался таким же энтузиастом-комсомольцем, каким был. Полным неразумной целеустремленности. Желания сделать что-то. Бесшабашной радости. И я решил остаться, раз здесь кругом друзья. Сразу же организовал концерты Андрея Дементьева, потом детские утренники, потом встречи с Ларисой Долиной, Муслимом Магомаевым, Тamarой Синявской, целую серию таких встреч. Началась жизнь...

Дошло до того, что даже в прошлогодних выборах немного поучаствовал. Помогал Андрею Дементьеву, который баллотировался в депутаты, пропахали почти всю Тверскую область, дали больше двух десятков концертов.

Так вот, о разнице между атмосферой здесь и в Болгарии. Мне ка-

жется, что за семьдесят с чем-то лет народ в России как-то унифицировался. Это мое мнение. Унифицировалось общее настроение, дух человека. Не говорю про устремления, не говорю про возможности. Здесь всегда была элита мирового уровня и была общая масса. Но здесь есть консолидация духа. Несмотря на гражданскую войну, сталинские чистки и тому подобное.

Не хочу вдаваться в политику. Хотя два раза здесь сдавал экзамены по истории КПСС, марксизму-ленинизму и все такое прочее, но не могу сказать, что сильно преуспел в них. Вообще, мое ощущение таково, что нация здесь однородна, как тесто одной консистенции. Конечно, есть какие-то изюминки, инородные включения, но это редкость.

У нас это не так. У нас всяк сам по себе. Здесь люди умеют общаться. У нас все сложнее. У нас давно разные люди. Мы такая персональная страна. Каждый болгарин — это отдельный, свой мир. Так уж исторически сложилось, что в Болгарии одновременно существовало много разных стилей жизни. Тридцать-сорок Татар, которых было много у нас, жили по-своему. Русские старообрядцы по-своему. Иначе — турки, цыгане, румыны, евреи, фраки, куманы... Каждая деревня жила по-своему. Вино разное не только в различных деревнях, но и в домах одной и той же.

Я рассказываю такую историю. Сейчас в Болгарии проводят реституцию, и я решил поискать документы, связанные с моим отцом. Мне сказали, что их можно разыскать в госархиве. Я обратился туда, и оказалось, что там есть три тысячи сто одиннадцать листов документов, относящихся к братьям Кировым. С 1758 года. Турецкие документы. Когда Кирова приехали в эту местность, какую землю получили... Я знаю все про своих предков, я знаю, кто я!

Так вот, когда в 1991 году началась реституция, люди получили свое назад. Это в их менталитете. И каждый вошел вновь в свой маленький мир. Стал жить его законами. Моя маленькая фабричка, мой магазинчик, моя земля... Будущее предопределено.

Небольшая часть населения получила свое обратно, сдала собственность в найм, получает арендную плату в тысячу, а то и десятки тысяч долларов. Другим вернули их национализированные вещи. Таким образом в нашем общенародном тесте образовались несколько тысяч таких кратеров, из очень богатых людей, которые являются базой правых сил.

Болгария как маленькая страна всегда была чьим-то сателлитом. Я думаю, что и впредь будем. Великой, независимой Болгарии, наверное, никогда не будет. Мы всегда входили в какие-то союзы и блоки, а теперь решили действовать по принципу маятника: от восточного соседа качнемся прямиком за океан. Неважно, что тебя там никто не ждет, никому ты не нужен, никто даже не знает, что ты! Создается ситуация: мы их очень любим, но они о нас ничего не знают и знать не очень-то хотят.

Бисер Киров.

Фото 70-х гг.

Когда у нас проходили последние выборы, я был в Москве. Поэтому, когда речь заходит о нынешнем правительстве, я говорю, что я его не выбирал. У меня алиби. Но я был рад, что оно пришло к власти. Что с того, что оно социалистическое? Есть же молодые люди, но подготовленные, с административным опытом. Однако получилось так, что человек ждет одного, а жизнь приносит совсем другое. И вот в последнее время доллар подорожал в четыре раза. Доверие к правительству совсем нулевое. И каким оно может быть, когда опять выстраиваются очереди за хлебом, нет бензина? Трагедия!

Вот в такой обстановке к нам приезжает царь. Народ бросается встречать его. Наследника той самой династии, которая ввергла нас в первую мировую войну, пожертвовала всеми нашими национальными идеалами, потому что никогда ее предшественники не были болгарами, они — немцы. А народ готов падать ниц перед ними и ждет царя. А от него — чуда.

И все потому, что на уровне обыденного сознания остались какие-то воспоминания полувековой давности. У нас, как во многих европейских странах, большой процент пожилых людей среди населения. Они и вспоминают всякую ерунду. Типа, если ты закажешь в кабачке 250 граммов ракии, тебе к ней несут 12 разных закусок-мезе, якобы бесплатно. Вот рай-то! Но это сказки. Никто не вспоминает, какая была в стране бедность. Люди ходили в домотканой одежде, а виши не были чем-то чрезвычайным. Этого не вспоминают, а вспоминают об утерянном рае. Вроде 30-е годы были золотым веком для Болгарии.

Здесь тоже есть люди, которые ждут своего царя. Но их два десятка,

каком месте он находится. В коммунистические времена существовала своя номенклатура. В Болгарии никто не знает своего места, так, наверное, и останется. В результате у руководства страны вполне могут оказаться и оказываются люди из самой низшей касты...

Россия на протяжении своей тысячелетней истории не раз доказывала свое право на существование как великой державы. Был момент, когда чувствовалось, что она вот-вот это право потеряет. Что Горбачев подведет черту под ее историей, и великой России больше не будет. Но это ощущение прошло, сейчас я думаю, что Россия всегда будет Великой Россией.

Каждому творческому человеку как Архимеду необходима точка опоры. Я думаю, что Россия всегда была для меня такой точкой опоры. Во всем, в культуре, в жизни, в политике. Духовной точкой опоры.

Что же до того, что я больше времени провожу вне Болгарии, чем на родине, то я всегда считал, что у меня есть своя, пусть небольшая, миссия. Не стоит про нее говорить, может, это тоже была личная утопия. Мне пятьдесят четыре — пора с ней расставаться. Но вообще я радуюсь, что я человек мира, жил во многих странах. Вместе с тем я болгарин, никогда этого не забывал и горжусь этим. Приятно сознавать, что люди знают: Бисер Киров — это Болгария. Как на Кубе, где знали два болгарских имени — Тодор Живков и Бисер Киров. Хотя я и лишен мессианских ощущений, что я призван руководить, командовать кем-то.

Я думаю, что, любя Россию, человек любит и свою родину. Особенно когда речь идет о Болгарии. У нас одна религия, языки, обычаи очень близки. История наших стран так переплетена, что уже никому не раскутать. И моя жизнь так же вплетена в нашу общую историю и судьбу...

Тем вашим политикам, которые придут лет через десять-пятнадцать, придется собирать то, что теперь разбежалось от России. Неминуемо. Потому что все к ней тяготеет и будет тяготеть. Пока они, я думаю, просто еще не жились в своих национальных государствах, но придет время и придет понимание, что в союзе всем жить проще, безопаснее и лучше.

Конечно, могут и, наверное, будут существовать национальные партии. Хорошо, если разумно национальные. У нас в Болгарии есть партия «Движение за права и свободы». Это партия турецкого меньшинства, но там никто не знает, где движение, где права, где свободы. Это сугубо этническая партия, проповедующая жесткую ориентацию на Турцию. Этого я понять не могу. Весь мир дрожит перед угрозой исламского фундаментализма, а его пропагандируют в православной стране. Как это позволяют?

Иной раз мне кажется, что у нас полный балаган. Выскакивают какие-то люди, как чертики из шкатулки, делают свои ставки, забирают выигрыш и пропадают за ширмой. Но у нас маленькая страна и балаган маленький.

Здесь — большая страна, и ее Большой театр во всем мире известен. И драма в ней разыгрывается большая.

В восьмимиллионном Чили нашелся Пиночет и совершил переворот. А у нас в восьмимиллионной Болгарии никогда не было переворотов. То, что называется Великим 9 сентября, — это же никакой не переворот, просто смена караула.

Да и перемены, произошедшие после того, как коммунистов сменили демократы, немного перевернули в Болгарии. У меня нет ностальгии по тем временам, но там осталась моя молодость. А кроме того, я уверен, что если в тех условиях человек сумел пробиться и чего-то достичь, то уж при любом другом строе он наверняка смог бы достичь того же самого.